
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-V

посвящается К. Ф. Голстунскому

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2001

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 00-04-16212д*

Mongolika-V: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 184 с.

Сборник посвящен выдающемуся ученому-монголоведу, оставившему глубокий след в отечественном востоковедении, автору многочисленных научных трудов по истории, праву, языку монгольских народов, заслуженному ординарному профессору Санкт-Петербургского университета, посвятившему 46 лет своей жизни преподавательской деятельности, — Константину Федоровичу Голстунскому, со дня смерти которого на момент, когда был подготовлен этот коллективный труд (1999 г.), прошло 100 лет.

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 5.12.97

Подписано в печать 10.10. 2001. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times DL».

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 23 п. л. Тираж 500 экз.

Заказ № 43

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

© «Петербургское Востоковедение», 2001

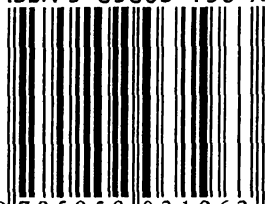
© Санкт-Петербургский филиал

Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

ISBN 5-85803-196-X

9 785858 031963

Содержание

Предисловие		5
Памяти К. Ф. Голстунского		
А. М. Решетов	К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа	6
З. К. Касьяненко	Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета при К. Ф. Голстунском и после	15
Т. Г. Борджанова	К. Ф. Голстунский и калмыцкий фольклор	17
Источниковедение и историография		
В. Л. Успенский	Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского	18
С. В. Дмитриев	<i>Сулде</i> : к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии	21
Е. В. Павлова	Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права	31
Футаки Хироши (Токио)	Классификация текстов о Белом старце (пер. с англ. М. П. Петровой)	33
Из рукописного наследия. Текстология		
Н. С. Яхонтова	«Ключ разума» (ойратский текст)	38
А. Д. Цсндина	Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына»	54
И. В. Маневская	Биография буддийского проповедника XI в. Атиши на монгольском языке	75
Б. С. Дугаров	О восточносианском обрядовом тексте культа Гэсэра	100
Литературоведение. Лингвистика. Фольклористика		
И. В. Кульганек	Монгольский песенник из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН	103
В. К. Шивлянова	Калмыцкий обряд «Мацг Идр» («День поста») и проблема структурно-стилистического единства молитвенных напевов	113
Булаг (Хух-Хото, КНР)	Религиозная литература монголов (пер. с монг. В. Л. Успенского)	119
Из архивов востоковедов		
М. И. Клягина-Кондратьева	Дневниковые записи	124
А. И. Андреев	Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П. К. Козлова)	157
А. З. Хамарханов	Из переписки Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева	164
Наши переводы		
Жамбын Дашдондог	Юрта (пер. с монг. Л. Г. Скородумовой)	172
Очирбатын Дашбалбар	Переводы разных лет (пер. с монг. М. П. Петровой)	174
Ц. Тумэнбаяр	Скорпион (пер. с монг. М. П. Петровой)	176
	Из детского монгольского фольклора (пер. с монг. И. В. Кульганек)	178
Foreword		180

Жамбын Дашдондог

Юрта

Когда-то давным-давно предки монголов жили под открытым небом, посреди широкой степи, спали, подложив под голову огниво. Высокий небосвод служил им крышей, зеленая планета с необозримыми просторами была домом. Обитатели земли долго жили счастливо. И вдруг — что случилось? Они поссорились — сильные стали нападать на слабых. Все живое попряталось: кто зарылся под землю, кто в глубины морские ушел, а кто в небеса взлетел. Только у человека не было когтей, чтобы рыть землю, плавников, чтобы плавать под водой, крыльев, чтобы летать в поднебесье. Природа дала ему лишь ум для исполнения всех желаний.

В те времена жил старец. За всю жизнь не накопил он другого богатства кроме ума.

Однажды старик позвал семерых своих сыновей и говорит:

— По образу и подобию великой нашей земли можно построить небольшое, но тоже круглое жилище — юрту.

Сыновья долго раздумывали над словами отца, но так ничего и не поняли.

Поглядев на гроздившуюся на горизонте грядущую гору, старик взял ивовые ветви и сделал стены. Вспомнил, какой простор открывает глазу ущелье в скалах, смастерил дверь, что в стужу укрывает от снега и ветра, впускает ласковое тепло и чистый воздух в ясную летнюю пору. По образу полуденного солнечного диска получился верхний круг — тоно. А вокруг его поддерживают, разбегаюсь во все стороны, словно солнечные лучи, тонкие жерди — уни. Вот закрубился туман на северных склонах гор — это возникли мягкие войлочные стены, потом белым облаком сверху легла крыша. Представил, как гуляет вольный степной ветер по долинам и весям, как закручивает все, что попадает ему по дороге, и из конопля свил веревку, чтобы скрепить воедино, опоясать юрту.

Потом вместе с сыновьями старик развернул решетчатые стены, установил дверь, поднял вверх круг тоно, прикрепил к нему жерди уни. Каркас укрыли войлоком. И встала белоснежная юрта, засияла на радость. Настоящее чудо. Получилась она под стать планете Земля — уютной и на все случаи

жизни: солнечный свет притягивает, а ветер отталкивает. Если надо уехать с места, быстро складывается, если надо поставить, тоже времени много не требуется.

Вот так благодаря мудрости старого отца дети зажили мирно и счастливо.

Но сказка на этом не кончается. В один прекрасный день старый отец слег, призвал сыновей и сказал им свои последние слова:

— Наступает день, человек родится, а приходит час — умирает. Наступил и мой час перебираться из войлочной юрты в каменный дом. Как вам жить дальше — юрта подскажет. Не забывайте только веревку потуже затягивать!

Сказал так и с этими словами умер.

Сыновья, как и в первый раз, ничего не поняли. Но вот однажды ослабла веревка, опоясывающая юрту. Понадеявшись друг на друга, братья поленились встать и затянуть веревку. Юрта и свалилась. Стали ругаться, каждый винил другого за то, что дом рухнул. Совсем между ними лада не стало. Решили тогда братья поделить между собой наследство отца и разойтись в разные стороны. Разобрали стены, тоно, жерди, двери и побрели, куда глаза глядят. Самому младшему досталась одна веревка.

Старший брат поставил среди поля дверь и живет возле нее. Все бы ничего, но знойным днем он едва не сгорел от палящего солнца.

Того брата, кому досталась решетка стены, едва молнией не убило в грозу, хоть он и огородился со всех сторон.

Третий брат устроил из своего наследства — войлока хорошую постель, да вот незадача. Сначала наводнением смыло войлочные стены, потом налетел ветер не пощадил и крышу, унес остаток.

На четвертого брата, что с кругом тоно остался, волки напали, едва спасся.

Пятый брат устроил из жердей себе шалаш, да в стужу так замерз, что чуть не умер.

Конечно, хуже всего пришлось младшему — ведь кроме опояски от юрты у него ничего не было.

Нежданно-негаданно появляется как-то возле него брат, что стены унес, следом за ним другой

брат принес дым. Потом и все остальные вернулись. Так братья вновь собрались вместе в одном доме. Построили юрту, туго затянули вокруг веревкой.

Пройдя все испытания, семеро братьев поняли мудрый наказ старого отца. С тех пор они больше никогда не ссорились и жили счастливо в одной юрте.

Перевод Л. Г. Скородумовой

Очирбатын Дашбалбар

Переводы разных лет

Очирбатын Дашбалбар родился в Сухэбаторском аймаке Монголии в 1956 г. Литературным творчеством занимался с 1972 г. Первый сборник стихов «Олдын аялгуу» («Звездные мелодии») опубликовал в 1984 г. Был поэтом, прозаиком, публицистом. Работал главным редактором газеты «Зохист аялгуу» («Прекрасная мелодия»). Был избран депутатом Великого народного хурала Монголии. Скончался в 1998 г.

Светлой памяти одного из самых талантливых поэтов современной Монголии посвящается эта публикация.

Когда громко ржет степной скакун...

Когда громко ржет степной скакун,
призывая кобылиц,
Стелется степной ковыль и взлетают
стаи птиц,
Реки и озера разливаются,
Затопляя сопки и холмы,
И ночные тучи разрываются,
Открывая лик луны,
И девичий слышен смех вдали —
Это Родина моя —
Родина моя!
Неразрывно связан я с тобою,
Я вдыхаю запах трав и воли,
Я шепчу преданья старины,
Утопая в голубом сиянии луны.
Помню предков золотой завет,
Словно песню колыбельных лет.

1978

Родное кочевье

В чужом краю я утром просыпаюсь,
Мне снились наши лошади
и перезвон стремян.
Но даже сон меня не успокоил,
Я чувствую, что нет здесь юрт родных
и голубого их дымка.
Перед глазами словно наяву встает
Кочевника палатка — ее колышет ветер.
Ни чтение, ни сон мне не дают забыть,
Пейзажи милые — не книжные страницы.
Лишь голову к подушке я склоню —
ручей журчит,
И девушка в красивом тэрлэгэ зеленом
ко мне спешит,
И в юрту мою входит — хочу обнять,
Но исчезает далекое видение опять.

Как я могу забыть все это?
Я говорю себе: «Поеду летом».
Встанут меж нами цепи гор,
И степь раскинула простор.
Тоскую по камням, залитым солнцем,
Там бабушка моя меня растила,
Там желтые цветы степные танцуют на ветру,
В тумане синем олень зовет олениху свою.
В чужом краю я утром просыпаюсь,
Мне снились наши лошади и перезвон стремян.
Но даже сон меня не успокоил,
Я чувствую, что нет здесь юрт родных
и голубого их дымка.

1982

Кружится в тихом небе белый снег...

Кружится в тихом небе белый снег,
Как в сказке замедлят время бег,
То прожитые годы надо мной кружатся,
Снежинками на плечи мне ложатся.

Дни скачут, словно всадники, вперед,
Мне время оглянуться не дает,
Жизнь — караванчик, он вернулся, чтоб уйти
В пространство бесконечного пути.

А белый снег кружится и не тает,
И вдохновение ко мне слетает,
Что не успел сказать возлюбленной своей,
Пусть белый снежный свет расскажет ей.

Родных кочевий горы предо мной встают,
Как кони, белой гривой времени прядут.
Над ними время не имеет власти,
В веках сокрыто тайное их счастье.

Кружится в тихом небе белый снег,
Во времени я продолжаю бег,
У белого подножья белых дней
Я вижу сон про белых журавлей.

* * *

Я очарован твоим белым платьем,
Прикосновение к тебе считаю счастьем,
На милый облик твой свет фонаря упал,
И черный водопад волос еще прекрасней стал.

Я словно бы согрет глотком вина,
Поет души глубинная струна.
Но в сердце проникает тихо грусть,
Лишь я к твоим коленям прикоснусь.

Кто знает, сон ли, явь ли это?
 С небес спустилась ты в объятия поэта!
 В тот час, когда на небосвод взошла луна,
 С тобою счастье на Земле испил до дна.
 Но нет: еще мой кубок недопит.
 И облик твой прекрасный не забыт.

1982

Лишь только я ступил на эту землю

Лишь только я ступил на эту землю,
 Познал глубины леса и лугов,
 И небо над родным кочевьем,
 Что словно озеро без берегов.

Я предан небу-озеру навеки,
 Ему подснежник первый подарю.
 Как безграничные струятся реки,
 Так безгранично небо я люблю.
 С тех пор как я ступил на эту землю,
 Страх одиночества неведом мне.
 Я за руку веду свою дочурку
 И вглядываюсь в звезды в тишине.

Там, где следы людей песок засыпал,
 Я детство милое оставил навсегда.
 Но радость, что кочевье подарило,
 Душа не позабудет никогда.

Когда пришел я в этот мир подлунный,
 Связав собою цепь ночей и дней,
 То понял я, какой же трудный
 Продолжил путь я жизнью своей

1985

Как степь безлюдную...

Как степь безлюдную покроет белый снег,
 Так белый лист бумаги я заполню.
 Как начинают в небе облака свой бег,
 Так в голове мелькают строчек молнии.

Судьба моя — беззвучная страница.
 Ты ждешь меня, как караван в степи.
 Но медлю я, как караванщик старый,
 Забыв, какой дорогою пойти.

Приходят мысли, словно снег ложится,
 Кружат снежинки строк метелью слов.
 Смогу ль по этой я дороге возвратиться,
 Или потомки путь проложат вновь?

Я словно город, что открыл все двери,
 Здесь были люди, жизнь текла рекой,
 Я в возвращение свое поверил,
 Сквозь дней туман я вновь пришел домой.

Стихи мои подобны снежной глади,
 Над ними время тихое идет.
 Я думаю, на жеребенка глядя,
 Как он заснеженную степь пересечет?

Путешествия

Из дома я вышел,
 По старым следам
 Обрато, наверное, уж не вернусь.
 Но снова увижу
 И землю, и солнце, и небо, и скалы,
 И юрты, и травы.
 Откуда же грусть?
 О странствие вечное — круг бесконечен!
 Выходишь, уходишь, приходишь опять,
 Вперед продвигаясь, назад возвращаясь,
 Чтоб в мире печальном кружить, не стоять!
 Я дальний мираж принимаю за море,
 В обманчивом мире стремлюсь устоять,
 Я тайными нитями связан с землею,
 И здесь я рождаюсь опять и опять...
 И так без конца — то явлюсь, то умру я,
 Ведь перерождения — сильная страсть.
 И хоть этот мир бесконечно люблю я,
 Но матушку Дару прошу от страданий
 И бед избавление мне ниспослать!

Перевод М. П. Петровой

Ц. Тумэнбаяр

Цэрэнтулгын Тумэнбаяр родилась в 1959 г. в Улан-Баторе. Литературным творчеством занимается с 1976 г. Неоднократная победительница конкурсов молодых авторов Монголии. Начав свою творческую деятельность как поэт, впоследствии обратилась к жанру прозы. Тумэнбаяр — продолжательни-

ца прозаической традиции одного из классиков современной монгольской литературы С. Эрдэнэ. В 1999 г. выпустила сборник коротких повестей и рассказов «Мэргэнд буусан чоно» («Волк, обретший мудрость»), в который вошел рассказ «Скорпион». На русском языке публикуется впервые.

Скорпион

На своем веку Джу видел все, кроме смерти. И вот сегодня он наслаждается жизнью в одной из самых знаменитых гостиниц Пекина. Деньги на эту поездку он скопил тяжким трудом, чуть ли не вгрызаясь своими кривыми зубами в землю.

На вращающемся круглом столе весело мелькают перед ним шесть десятков различных блюд, начиная с приготовленных из злаков и фруктов и кончая нежными дарами моря. Сытым взглядом окидывает он китайских девушек, которые, сверкая ножками, ходят туда-сюда. За одним столом с ним сидят иностранцы с густыми волосами и белой кожей. Они пробуют палочками то одно, то другое блюдо и при этом беспрерывно болтают на непонятном языке. Вдруг при виде черных насекомых в белой пиале на подносе глаза Джу округляются, а сердце начинает биться сильнее. Обжаренные в растительном масле и сдобренные пряностями насекомые размером с мизинец разложены слоями друг на друге так, что восемь ножек каждого вытянуты, а животы надуты.

Когда Джу пересчитал их глазами, то получилось каждому по три — всего двенадцать штук. Он и не думал, что в далеком Пекине сможет найти целую пиалу вкусных черных насекомых. Джу словно увидел днем звезды на небе. «Да, не иначе как водятся они в этих местах», — подумал старик. Косясь на троих иностранцев, что сидели с ним за одним столом — будут ли они есть насекомых — он старательно подцеплял одного за другим палочками. В эти минуты он думал только о скорпионах и даже не заметил официантки, которая принесла полный поднос различных напитков. Только когда она во второй раз спросила: «Господин, что вы будете пить?» — он вздрогнул, чуть ли не подскочил на месте, и крикнул: «Чай, чай!» Тут же сам устыдился перед сидевшими с ним за одним столом, всеми своими кривыми зубами изобразил милую улыбку и поблагодарил официантку. Взгляд же его

волей-неволей падал на пиалу со скорпионами, он словно ел их глазами. Глаза его даже округлились, и тут ему почудилось, что насекомые ожили, зашевелили лапками и поползли прямо к нему. К счастью, иностранцы подцепляли палочками кусочки других блюд. Джу бросил на расползающихся насекомых бессмысленный взгляд. Мелькнула догадка: «Никто не ест. Значит, все двенадцать скорпионов мои. Каждый скорпион примерно двадцати дней от роду. Если я их съем, то получу жизни тысячи насекомых. К положенным судьбой восьмидесяти восьми прибавлю жизни скорпионов, то есть пятьдесят пять лет, — итого получу 135 лет жизни». По его подсчетам выходило, что на этой земле людей гораздо больше, чем скорпионов.

В молодости Джу не обзавелся женой. Считал, что не стоит тратить свою драгоценную жизнь на семью и детей. Иногда, конечно, ухаживал за симпатичными девушками. А вот в пятьдесят шесть понял, что жена нужна, и женился на 24-летней. Она родила одного сына. Однако еще детей они иметь не решились. Видно, не суждено было и молодой жене оставаться на этом свете. На ранних сроках беременности она отправилась на аборт и умерла вместе с едва зародившимся ребенком. Но Джу особенно не грустил по ней. Кто раньше отдался во власть неба, тот раньше переродится — таков закон. Жене было всего двадцать с небольшим лет.

А вот что он понял в ту ночь, когда умер его отец. Если ты родился человеком в этом мире, то сделай все, кроме потери глаза, чтобы хоть на мгновение продлить свою жизнь длиной в нитку. Хотя Джу перепробовал множество разных насекомых наподобие кузнечиков, больше всего он любил именно скорпионов.

Джу тогда было около десяти лет. Его отцу — пятьдесят с небольшим. Однажды отец отправился за скорпионами — уж больно хотел их поесть. В степи его укусил скорпион, яд явился причиной

смерти. Незадолго до этого, когда отец отравился гнилыми грибами и еле-еле добрался до дома, он сказал сыну, мол, если человек найдет и съест скорпиона, то продлит свою жизнь в соответствии с количеством дней, прожитых этим скорпионом. А если скорпион попробует человеческой крови, его слюна попадет в тело человека и он быстро умрет. Жизнь же скорпиона увеличится. Я не смог. Этот скорпион сегодня ночью обязательно придет на мой запах, чтобы пососать твоей крови. Тебе вообще нельзя спать. Надо его опередить — выследить, тонким ножом срубить голову и съесть. Если нет, то отправишься на небо до срока, как я. Мудрый Конфуций учил, что большое дело надо делать мало-помалу, досыта наедаться надо тоже помаленьку. Многому учиться — постепенно. Отец не успел даже закончить фразу, открыл рот, глубоко вздохнул и умер. После такого разве можно сказать, что чего-то не видел в жизни? Джу остался круглым сиротой. Когда он глотал голодную слюну и протягивал руку, никто не подал ему даже объедков. Он не мог забыть и никогда никому не рассказывал о том, что, словно осел, возил богачей, будучи рикшей, в кровь сдирав спину и разбивая локти. Бродил, скрепя сердце, с протянутой рукой. Джу, видевшему, как умер его отец, смерть показалась очень страшной. А о себе он думал, что будет жить вечно.

В ту ужасную ночь, когда он поджидал скорпиона, он взобрался на стул и стал прислушиваться к каждому звуку. Слово одинокая птица, сидел он, поджав под себя ноги и пристально вглядываясь в темноту — придет ли за ним страшное насекомое, — смотрел не моргая, не смыкая глаз. Сон, словно легкий ветерок, испарился, страх овладел мальчиком, душа ушла в пятки. Он дрожал всем телом, словно в лихорадке, время от времени глаза сами собой закрывались, он засыпал, но тут же просыпался от собственного крика. И вот в глухой предрассветный час, когда заря едва-едва брезжит на горизонте, он увидел, как по ножке его стула вверх ползет черный скорпион. Руки мальчика задрожали. Если тонкое, словно игла, жало скорпиона, которое появляется внезапно и издалека достигает цели, коснется его кожи, то — конец. Надо напрочь перерезать прямую, как черта, шею насекомого — сразу, одним движением. Мальчик хотел тихонько слезть со своего стула. Но из-за чрезмерной осторожности вдруг ногой опрокинул его. Скорпион вздрогнул и высоко подпрыгнул. Джу успел увернуться. Скорпион почувствовал опасность и прыгнул откуда-то сверху, не желая терять ни минуты. Это был поединок не на жизнь, а на смерть. Джу не мог видеть в темноте. А вот скорпион все чувствовал по запаху, словно видел в темноте, как филин. В конце концов Джу зажмурился и, достав свой нож с тонким лезвием, стал рудовать им, как саблей. Когда внезапно звуки иржков скорпиона прекратились, мальчик понял,

что острое лезвие его ножа попало в цель. Ему повезло! По спине мальчика струился холодный пот, он весь был мокрый. Мальчик вышел на улицу и сел, сознавая, что жив после этого трудного поединка, но силы совершенно оставили его. Скорпион без головы лежал, вытянув все свои ноги кверху. В его желудке была кровь отца мальчика. Но ведь когда думаешь об обретении вечной жизни, неважно, что внутри насекомого. С такими мыслями он дрожащей рукой приподнял скорпиона, немного посмотрел на него, положил в рот и, зажмурившись, тут же проглотил. Станный, но приятный вкус почувствовал он во рту. После этого он вот уже семьдесят лет со вкусом ел и пил.

Однако один раз ему все же пришлось лицом к лицу столкнуться со смертью. Это было во время войны. Еще тогда, когда он гнул спину, работая рикшей и перевоза армейских начальников днем и ночью. Прямо рядом с ним разорвалась бомба. По спине, словно хлыстом, ударила жгучая боль. А надменный, полный злобы начальник рухнул, как подкошенный. Джу до сих пор думает, что именно съеденный скорпион спас ему жизнь.

Джу один съел всех скорпионов с тарелки, сильно икнул и, оскалив свои кривые зубы, улыбнулся сидевшим за столом. Он думал о том, подадут ли завтра это блюдо, посчастливится ли сидеть за одним столом с этими же людьми или нет. Если каждый день будет выпадать такая же удача, то даже если наступит конец света, он останется жить навечно.

«Интересно, — подумал он, — неужели работники гостиницы сами ловят этих скорпионов. Едва ли в этой гостинице их разводят». Уж не заберутся ли они в комнату к Джу? Кто знает?

В тот день он пораньше закончил все свои дела. Он уже почти перестал думать о скорпионах, но вдруг ему в голову пришла мысль: «Если в гостинице есть живые скорпионы, то они пролезут во все щели, везде. Просочатся даже сквозь игольное ушко». По телу пробежала дрожь. Его начал бить озноб. Джу лег в кровать. По его жилам текла кровь тысяч насекомых, растворившись в его крови, словно соль в воде. Он погасил свет, немного полежал, но скорпионы с тарелки не показывались. Он то закрывал, то снова открывал глаза — насекомых не было. Но постепенно он начал ощущать движение бесчисленного количества насекомых в своей крови. Он закричал: «Нет! Нет! Я не умру! Я не отдам вам ни секунды жизни, ни капли крови, нет, нет!» От собственного крика он приподнялся на кровати. Грудная клетка от такого страшного сна ходила ходуном. На глазах впервые со времен детства показались слезы.

Из детского монгольского фольклора

Динь-дон, дружок,
Считай, дурачок:
Есть ли медные заклепки,
Есть ли сердце посередке?
Ты на свете всех спокойней,
Всех мудрее и достойней,
Белая мышь.

* * *

Топ-топ — побегу,
Прыг-скок — поскачу.
Зайчик белый, где ты бегал?
Будешь бегать по полям —
Схватит пестрая борзая.
Будешь прыгать по степям —
Меткая пронзит стрела.
Зайчик белый, где ты бегал?
Попроси у неба хлеба,
У верблюда губы!

* * *

Мой милый сыночек,
Баюшки-бай.
Внук хана Харадая,
Баю-бай.
Внук Хариудая,
Баюшки-бай.
Племянник соседа,
Баю-бай.
Младший брат серны,
Скорей засыпай.

* * *

В соседнем айле ¹ пьяный гуай ²
Во гневе страшно ругается.
С соседней горы черный козел
Очень больно бодается.
Трехлетку верблюда клеймишь когда,
Он невозможно брыкается,
Сивый бык лишь опустит рога,
И ты уже испугаешься.

* * *

Сорока прыгает: скок да скок.
Сорок филинов ухает: ух.
Соломенная повозка — хруст да хруст.
А мой мешок с подаянием — пуст.

* * *

Пять сыновей у матушки Тахар:
Прекрасны посевы у них,
Пять черных коз

Прекрасную шерсть дают,
Прекрасный белый мерин
Тучнеет день ото дня,
Прекрасный пес у двери.
Прекрасно кусает меня.

* * *

Между двух гор
Горный пестрый цветок.
В цветке золотые тычинки.
Золотом вышит узор.
В узоре — орнамент хуар ³.
В хуаре — фигурка осла.
На осле восседает слуга.
У слуги в руках серый гусь.
В гусе ручная вода.
А в воде — тот самый монгол.

Рассказы Бадарчина — странствующего монаха

* * *

Давным давно один вор решил украсть серебряный колокольчик с ханских ворот. Подкрался он ночью на четвереньках, когда стражники спали, к ханским воротам и вскарабкался наверх.

Стражники ничего не заметили. Вдруг колокольчик звякнул на ветру.

Вор решил, что он попался. Он сорвал с себя рубашку и набросил ее на колокольчик.

— Ну, теперь никто ничего не услышит.

Успокоившись, он сдернул колокольчик и начал спускаться вниз. Тут-то его и схватили стражники.

* * *

Однажды ночью пошел дурак за водой к колодезю. Увидел отражение луны в воде и решил, что это сама луна туда упала.

Привязал он железный крюк к концу веревки стал ее ловить.

Зацепил крюком тяжелый камень.

Как только камень показался над водой, веревка не выдержала, лопнула и он плюхнулся обратно.

— Ну и устал же я, — подумал дурак. — Да и немудрено, ведь как-никак, а луну ташил.

* * *

Давным-давно забрел в один айл тибетский паломник и решил там заночевать. В то время в доме как раз варились бозы — пельмени. Паломник запихал себе в рот горячую бозу целиком. Застряла она у него в горле — ни проглотить, ни выплюнуть.

Аж слезы на глазах выступили.

А тут еще хозяин с вопросом лезет — что с тобой да что с тобой.

Проглотил, наконец, паломник бозу, вытер слезы, вздохнул:

Да вот: бозы ел — Родину вспомнил.

А в ответ ему хозяин:

— Горяча же твоя Родина.

* * *

Как-то раз за праздничным столом сидел почтенный старец.

На его длинную бороду налипли крошки, а он и не заметил.

Увидел это один парень и тихонько говорит:

— Черное перо дымом заволокло.

Старик стряхнул с бороды крошки.

За тем же столом сидел нойон⁴.

Он позавидовал такту и уму молодого простолюдина.

— И мой телохранитель не хуже скажет, — подумал он и посыпал бороду.

А тот возьми да и скажи: «Хвост куропатки весь в дерьме».

* * *

Однажды разговорился монах с мирянином.

— Давно ли ты, монах, мяса не едал? — спросил мирянин.

— Ох, давно! Правда, когда водку пью, то мясом закусываю.

Мирянин изумился:

— О, учитель, ты не только мясо ешь, ты еще и водку пьешь!

Монах спохватился:

— Да кабы я мяса не ел, водки не пил, то что бы мне у тестя с тещей в гостях делать?

* * *

Однажды ехал жестокий чиновник на перекладных. Вдруг лошадь споткнулась на левую переднюю ногу, и чиновник, разозлившись, больно ударил ее кнутом.

Возница пожалел лошадь и сказал в сердцах:

— Внуки за дедов не отвечают. Если оступилась передняя левая, за что бить заднюю правую.

Чиновник, не отвечая, отхлестал возницу за такую дерзость.

Поехали дальше.

Вдруг хлынул дождь. И решил возница, что представился удобный случай отомстить чиновнику. Как только небо разверзлось и сверкнула ослепительная молния, возница стегнул изо всех сил чиновника по голове, так, что тот свалился без чувств.

Очнувшись через пару минут, чиновник pokrutil головой и закричал, уставившись на возницу:

— Ты чего разлегся. Разрази тебя гром! Видал, как меня только что молнией шарахнуло, я и то ничего.

И потащил возницу за рукав.

Перевод с монг. И. В. Кульганек

Примечания

1. А й л — группа юрт.
2. Г у а й — почтительное обращение к пожилому человеку.
3. Х у а р — символический узор, означающий благопожелание.
4. Н о й о н — князь.